

Несколько слов о гадании попутая

Ирина УВАРОВА

асленица сегодня в Пензе – как и тогда. Когда он совершал "убеги" к балаганам. Бежать было все ничего, город балаганный по ранней весне выстраивался каждый год совсем близко от Мейергольдова дома, бежать – то было все – ничего.

Тут у меня сразу несколько вопросов. Первое. Александра Блока, мальчика из профессорской семьи, на балаганы ежегодно вывозили, Александра Бенуа петербургская, интеллигентная семья считала необходимым отправлять на балаганы с гувернером с пяти лет. А семья винозаводчика Мейергольда была категорически против того, чтобы мальчики бегали глазеть на балаганные радости. Они, разумеется, сбегали, но все же...

И это вопрос второй. Как сложилась бы творческая судьба Мейерхольда Вс.Э., когда б он оказался послушным

Наконец, вопрос третий. Что стало бы с театром вообще, если б он балаганов не видел?

Гладков, видно, расспрашивал его много лет спустя, что от пензенских балаганов запомнилось. Да все запомнилось, что и говорить. Домики пестрые, бродячий зверинец и гадатель с попугаем — интересно, что попугай ему нагадал. Счастья, должно быть. Цирк, конечно, запомнил, еще бы, цирк самих Никитиных! И далее — гигантские шаги, шуты, а также марионетки, большие, в рост человека, игравшие печальную историю любви и смерти.

Трудно осознать, как режиссер, перевернувший театр, дерзко утверждавший авангард, новатор до корней волос, как много он вынес с этой самой пензенской балаганной площади.

Гигантские шаги ушли в "Лес", клоун Ландовский – в"Акробатов", колесо обозрения напомнило о себе в "Великодушном рогоносце". Но это лишь мелкие блестки с костюма балаганщика, на са-

мом деле их бесконечно много.
Однако впервые он совершил невозможное; взял да и перенес один балаган с провинциальной площади — на столичную сцену. То был "Балаганчик" Блока, где и были "куклы в рост человека" — то есть актеры играли кукол. Сам он был куклой-Пьеро. Пройдет много лет, и он подарит С.Образцову книгу, из дарственной надписи можно заключить, что он, Мейерхольд, завидует кукольникам, поскольку им известны тайны, недоступные ему, "так называемому театралу". Эта была неправда, святая балаганная ложь. Побывав куклой Пьеро, в его деревянном корпусе, он познал кукол "изнутри", и в тайны кукольные проник. Но всякий истинный балаганщик мистифицирует публику, что-нибудь да скрывая

"Балаганчик" сверкнул ослепительно среди безмерных сокровищ Серебряного века. Как лампа Аладдина. Она светила прямо в Новое искусство, и непонятно было поначалу, то ли это было оскорбительно для Нового искусства, то ли совсем наоборот.

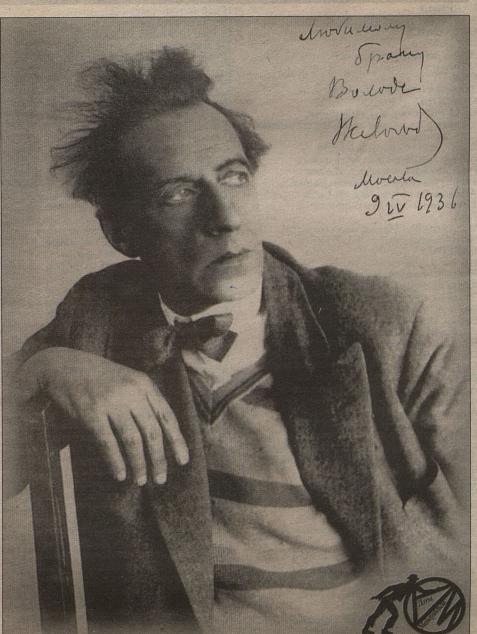
Кризис, кризис! Старый театр был просто старым, где люди едят, пьют, носят свои пиджаки, а между тем, – "Нужны новые формы!" – волновался Треплев. Вдруг оказалось – новые формы нужно искать в уличном балагане, не то, что старом – попросту древнем, и кто

В последние масленичные дни в Пензе отмечали 130-летие своего великого земляка Всеволода Эмильевича Мейерхольда. В областном театре давали "Самоубийцу" Николая Эрдмана, поставленную Юрием Урновым, режиссером Московского Центра имени Вс. Мейерхольда. Наверно, самое многострадальное сочинение отечественного театра, повлекшее за собой высочайщие запреты, ссылку драматурга, гибель Мастера, спектакль которого закрыли после генеральной репетиции, долгое забвение пьесы. Сегодня зал, в основном заполненный молодежью, весело и чутко реагирует на реплики персонажей, которые вызывали ужас у начальства в тридцатые годы. Мир переменился, художников теперь за книги и пьесы не убивают. Но как понятна тоска героев Эрдмана, так и не устроившихся в той жизни, подобно многим их потомкам из жизни нынешней. Времена перекликаются.

А в отчем гнезде режиссера, раньше назывался музеем, а теперь попросту "Домом Мейерхольда", показали искрометный и по самому высокому счету новаторский спектакль "МОЦАРТиАННА" — фантазии на тему Мейерхольда и Гофмана в исполнении артистов "Театра Доктора Дапертутто". Можно сказать, домашнего театра, ибо играет он в основном в стенах мейерхольдовского дома, а руководит и Домом, и театром Наталья Аркадьевна Кугель, из той породы людей, которых без преувеличения можно назвать подвижниками. Она хозяйка в этом Доме с самого его основания, не унывает ни при каких обстоятельствах, чертовски устает, выбивая крохи на поддержание тепла и уюта, но, думаю, вознаграждена тем, что все это вместе называется настоящим творчеством и находит отзвук у тех, кто видит, чего это все вместе стоит.

Юбилей Мастера совпал и с юбилеем Дома — ему уже двадцать лет. На юбилей пригласили друзей из Пензы и гостей из Москвы. Тоже друзей. Было по-домашнему хорошо и просто. Мы говорили о Мейерхольде, ели блины, смотрели спектакли и снова говорили. И вот что сказала в своем эссе, посвященном посещению Дома Вс. Мейерхольда в Пензе в дни масленицы года 2004, Ирина Павловна Уварова.

Александр АВДЕЕНКО

скажет, сколько столетий едет по дорогам Европы и бездорожью России мой полинялый балаган?

"Балаган вечен. Его герои не умирают. Они только меняют лики и принимают новую форму", — понял Мейерхольд. Другие тоже понимали, Пикассо, например, потом Карне. Но, пожалуй, Мейерхольд единственный постиг самую суть Балагана. Там были карлики и великаны, говорящие девы-русалки и Цейлонский дикий человек, пожирающий живую курицу. Короче: там была иная реальность, отчасти похожая на нашу, но совсем другая! Фантастическая, ироническая, гротескная. Главное — другая. Параллельный мир, как будут говорить позже и по другому поводу. Но и на сцене мейерхольдова театра должна была сложиться собственная иная реальность. Он ее и являл.

Еще вот что. В уличном балагане оставались окаменевшие обломки магии былых культур, былых цивилизаций, когда магическое искусство было всесильным. Собственно, каждому авангардисту необходимо выпустить джинна из бутылки, какою становились формы позднего искусства, а Мейерхольд сказал, что жаждет всецело завладеть душой зрителя. И конечно, не случайно называл себя Доктором Дапертутто, чародеем и похитителем зеркальных отражений, а проще говоря, — душ.

О том, как весь круг "новых людей", символистов и "собратьев по ворожбе", как говорил Брюсов, о том, как все они так или иначе занимались оккультными

О том, как весь круг "новых людей", символистов и "собратьев по ворожбе", как говорил Брюсов, о том, как все они так или иначе занимались оккультными делами, сейчас много написано. Только ни разу не встретилось мне имя Мейерхольда в списках искателей тайных знаний. И все же они были ему открыты, но, как истинный балаганщик, он тайн не выдавал своих.

Проницательный современник Е.Зноско-Боровский писал, что Мейерхольд был склонен к мистификации по самой своей натуре, "вышедшей из цирка и придавшей его худому, горбоносому лицу черты Мефистофеля". Что у Гофмана он полюбил всех тех уродцев, горбунов, шарлатанов, которые стояли на грани реального и ирреальности, для представления которых Мейерхольд находил такие удачные жесты и позы. На грани реального и ирреальности

На грани реального и ирреальности располагалась и его внешность. Лицо его было выгодно карикатуристам, могло явить такой гротеск! Только в балагане и показывать, а могло быть прекрасным и благородным.

"Смотри, какой у меня отец красивый" — сказала кому-то Татьяна Всеволодовна Воробъева, дочь Мейерхольда, показывая фотографию. Этот кто-то побежал доносить, поскольку враг народа не может быть красивым по определению. А он уже был враг народа, потому кара не задержалась, пала и на дочь. Так рассказывала мне Мария Алексеевна Валентей, дочь Татьяны и внучка Мейерхольда.

Однако в любом портрете, в любом обличии, в роли любой, какую он находил нужным играть в жизни, он узнаваем сразу. И незабываем.

в сущности, он оказался бессмертным.

Наломинаю: герои Балагана не умирают. Они только меняют свои лики и принимают новые формы.

Экрап и сиема -